

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ
ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИКО- И СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ**

В.П. Сухопаров

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 8, Минск, 220030, Беларусь*

В статье комплексно исследуется проблематика регулирования информационных отношений в сети Интернет, включая теоретические, международно-правовые, зарубежные и национальные аспекты данного регулирования, а также дефинитивный анализ кибербезопасности как одного из регулируемых информационным правом направлений. Автор выявляет проблемы терминологии по теме интернет-регулирования и обосновывает необходимость в формировании единого категориального аппарата в указанной области. В результате выявляются подходы и раскрывается содержание модели системного правового регулирования интернет-отношений в современных странах.

Ключевые слова: информационные правоотношения; интернет-отношения; Интернет; регулирование Интернета; модели правового регулирования; управление в киберпространстве; юрисдикция в сети Интернет; кибербезопасность.

**REGULATION OF INFORMATION RELATIONS ON THE INTERNET
AS A FACTOR OF MAINTAINING CYBER SECURITY:
THEORETICAL AND COMPARATIVE LEGAL REFLECTION**

V.P. Sukhoparov

*Belarusian State University,
8 Leningradskaya street, Minsk, 220030, Belarus*

The article comprehensively explores the problems of regulating information relations on the Internet, including theoretical, international legal, foreign and national aspects of this regulation, as well as a definitive analysis of cybersecurity as one of the areas regulated by information law. The author reveals the problems of terminology on the topic of the Internet regulation and substantiates the need for the formation of a single categorical apparatus in this area. As a result, approaches are identified and the content of the model of systemic legal regulation of Internet relations in modern countries is revealed.

Keywords: information legal relations; Internet relations; Internet; regulation of the Internet; models of legal regulation; management in cyberspace; jurisdiction on the Internet; cybersecurity.

Проблематика регулирования информационных отношений в сети Интернет в контексте поддержания кибербезопасности является в достаточной степени широкой и комплексной, т. к. напрямую касается таких межотраслевых юридических аспектов, как:

- источники международного права, регулирующие информационную сферу глобальной компьютерной сети;
- зарубежный и национальный опыт регулирования интернет-отношений;
- нормативно-правовое обеспечение кибербезопасности в системе источников правового регулирования информационных отношений в сети Интернет;
- правотворческие направления по регулированию информационных отношений в сети Интернет, включая кибербезопасность; а также ряд других.

Сложность и комплексность выбранной темы обусловлена также системой научных терминов, используемых в данной области, а также некоторым «сужением» объекта настоящего исследования информационно-правовой характеристикой. Система научных терминов в отношении регулирования информационных отношений в сети Интернет обусловлена, во-первых, тем, что первоначально глобальная компьютерная сеть как система объединенных компьютерных сетей, обеспечивающая доступ к информации, ее хранению и обмену по всему миру, формировалась как *саморегулируемая* (курсив здесь и далее – авт. В.С.) информационно-технологическая и социальная среда. J. P. Barlow, соучредитель Фонда электронных границ, известный своим эссе «Декларация независимости киберпространства», написанным в ранние годы функционирования сети Интернет [1], отмечал, что юридические категории собственности, свободы выражения, личности, «передвижения» не применимы в глобальной компьютерной сети, ведь они основываются на материи, которой нет в Интернете. При этом, по «декларативному» мнению J. P. Barlow, киберпространство состоит из транзакций и отношений и облекается в «стойкую волну» виртуальных коммуникаций, выражающихся «везде и нигде», вне границ, установленных государствами, которые «не имеют морального права» управлять киберпространством [2].

Феномен саморегулирования интернет-отношений, т. е. регулирование фактически без вмешательства права и государства в интернет-пространство, обусловил рассмотрение данного вопроса в правовых исследованиях функционирования глобальной компьютерной сети и формирующихся в ней общественных отношений в историческом контексте, а также в обоснование свободы развития интернет-отношений без излишней правовой регламентации.

По мере развития интернет-отношений в русле саморегулирования и предпринимаемых государствами мер по управлению в киберпространстве на практике начала реализовываться идея *сорегулирования* (совместного регулирования), суть которого заключается в сочетании законодательного регулирования с саморегулированием интернет-отношений [3, с. 39; 4, с. 38]. Соответственно, стали применяться и исследоваться правотворческие подходы и модели правового регулирования общественных отношений, в том числе информационных, в сети Интернет. *Саморегулирование, сорегулирование и правовое регулирование интернет-отношений формируют таким образом систему научных терминов, относящихся к регулированию интернет-пространства*. Причем эта система не ограничивается указанными феноменами, а включает в себя и другие социальные и технические регуляторы.

Еще русский дореволюционный профессор Н. М. Коркунов подразделял все «человеческие» нормы на две главные группы: нормы этические и нормы технические, относя к последним нормы о том, как «построить здание» и другие правила технологического, естественно-научного и ремесленного содержания, направленные на достижение конкретных целей [5, с. 30–31]. Совершенно естественно, что глобальная компьютерная сеть Интернет (являясь информационно-технологическим достижением, включающим технические составляющие) поддерживается, ограничивается, а, значит, и регулируется технологическими и техническими возможностями и границами. Как отмечается в науке, активность пользователей в Интернете регулируется, в частности, правилами цифровых платформ «при помощи кода, составляющего архитектуру всей Сети и отдельных ее компонентов»; код, в свою очередь, выполняется программным обеспечением и аппаратными средствами [6, с. 17; 7, с. 121].

В зависимости от общественной среды, в которой используется Интернет, различается и степень влияния различных социальных регуляторов интернет-отношений. К примеру, в Израиле существует особое отношение к Интернету: «старейшины ультраортодоксальных общин Израиля полагают, что Интернет – это один из самых серьезных врагов традиций и религии государства», «в еврейских религиозных домах даже существует запрет на использование Интернета». В то же время израильские традиции и религия оказывают влияние на формирование в Израиле саморегулирования и самоцензуры в рамках информационных отношений в сети Интернет [8, с. 81].

Таким образом, говоря о саморегулировании, сорегулировании, правовом, техническом, ином социальном регулировании Интернета и формирующихся в нем общественных отношений, на наш взгляд, подразумеваются *виды регулирования* глобальной компьютерной сети и формируемого ей информационного пространства. Хотя в юридической литературе встречаются

различные формулировки относительно регулирования интернет-отношений, в том числе информационных. Поэтому одной из целей настоящей статьи является систематизация, обособление и разграничение категорий в области регулирования информационных отношений в сети Интернет.

С. В. Чубейко и Ю. А. Тимакина выделяют «*подходы*» (курсив – авт. В.С.) к регулированию правоотношений в сфере ИТ: европейский, строящийся на демократичных принципах и свободе пользования сетью, и азиатский подход с характерным контролем информационных потоков в национальных сегментах Интернета [9, с. 120]. К. В. Синкевич, рассматривая содержание отдельных норм в области регулирования интернет-сетей в общем массиве международного, зарубежного и национального нормативно-правового обеспечения интернет-отношений, также оперирует категорией «*подходов к правовому регулированию*» социальных сетей [10, с. 58–62]. А. А. Дрога и М. А. Дрога, определяя эффективные «*направления развития*» правового регулирования Интернета, по сути, говорят об информационно- и международно-правовом регулировании, а также о сорегулировании интернет-пространства [11, с. 155]. К. А. Гаджиева, анализируя международно-правовые основы регулирования онлайн-платформ в Европейском союзе, оперирует категориями основных *подходов* в отношении онлайн-платформ и приоритетных *моделей регулирования* отношений в онлайн-пространстве ЕС, определяя в качестве последних совместное регулирование и саморегулирование (исходя из позиции Европейской Комиссии) [4, с. 38].

Е. В. Михайленко пишет о трехстороннем рассмотрении в юридической литературе *возможности регулирования* интернет-отношений: «отказ от любого “внешнего” вмешательства в Интернет; создание самими участниками Интернет-отношений определенных норм с последующей придачей им юридической силы; “регулирование на общих основаниях”», т. е. регулирование правом «в обычном порядке» [12, с. 17]. Как видим, под выделенными *возможностями регулирования* интернет-отношений «скрываются», по мнению автора настоящей статьи, такие *виды их регулирования*, как саморегулирование, сорегулирование и правовое регулирование общественных отношений в сети Интернет.

В качестве *предпосылок* к установлению эффективного правового регулирования в сети Интернет Е. В. Михайленко указывает: необходимость жесткого регулирования экономических и административных отношений в сети Интернет; применение либерального *подхода* к регулированию иных интернет-отношений; и др. [12, с. 17–18]. К. П. Курылев, Н. П. Пархитько, Н. Г. Смолик в отношении регулирования общественных отношений в сети Интернет применяют категорию «*национального режима регулирования*». При этом речь ведется о направлениях информационного и административного законодательства в области регулирования интернет-отношений, а

также о государственном управлении информационным пространством сети Интернет [13, с. 709–715].

Таким образом, в правовых исследованиях имеет место многообразная терминология в отношении регулирования интернет-пространства. С учетом вышеизложенного нами насчитывается более 5 формулировок, касающихся регулирования отношений в сети Интернет. Среди них:

- 1) подходы к правовому регулированию;
- 2) модели регулирования;
- 3) направления правового регулирования;
- 4) возможности регулирования;
- 5) режим регулирования;
- 6) предпосылки к правовому регулированию;
- 7) а также выдвинутый нами термин «виды регулирования» интернет-отношений.

При этом подчеркнем, что выявленные вариации терминов не обозначают различные правовые аспекты регулирования интернет-пространства, а, напротив, указывают на достаточно близкие по значению элементы и проявления регулятивного воздействия в сети Интернет. Это обуславливает необходимость приведения в единообразие категориального аппарата по теме регулирования интернет-отношений, что позволит более точно и упорядоченно раскрыть ее и выявить перспективы развития в этой области. Принципиальным в формировании единообразного категориального аппарата, характеризующего регулирование общественных отношений, в том числе информационных, в сети Интернет, является не только «предметная» часть категории (например, «подход», «направление» или «модель» регулирования), но и наделение ее «правовым» признаком. Ведь в регулирование интернет-пространства включается саморегулирование, сорегулирование, техническое и иные виды регулирования (как было отмечено нами выше).

Наиболее точными по значению терминами представляются нам *«виды регулирования»* глобальной компьютерной сети Интернет и формирующихся в ней отношений; *«подходы к правовому регулированию»*; *«модели правового регулирования»* информационных отношений в сети Интернет; *«направления правового регулирования»* интернет-отношений. Последняя категория в зависимости от признания за интернет-правом самостоятельного характера может быть также сформулирована как *«сферы»* или *«институты правового регулирования»* интернет-отношений. Соответственно, в зависимости от рассмотрения интернет-права в качестве комплексной подотрасли информационного права к первой категории (*«виды регулирования» сети Интернет и интернет-отношений*) можно также добавить термин *«виды правового регулирования»* общественных отношений в сети Интернет, который будет указывать на отраслевую принадлежность правового

регулирования отдельных групп интернет-отношений (международно-, гражданско-, хозяйственно-, административно-правовое регулирование и др.).

Раскроем суть выдвинутых нами понятий категориального аппарата в области регулирования информационных отношений в сети Интернет. Однако здесь следует обратить внимание на обозначенное нами в начале статьи «сужение» объекта настоящего исследования информационно-правовой характеристикой интернет-отношений. Дело в том, что в сети Интернет находят свое выражение не только информационные правоотношения, но и правоотношения других отраслей (конституционное, административное, гражданское, банковское и др.) и даже правовых систем (международное, европейское право). Однако в рамках настоящей статьи нами была поставлена цель раскрыть регулирование именно информационных отношений в сети Интернет (в контексте поддержания кибербезопасности). Следовательно, при анализе категорий в отношении регулирования интернет-отношений внимание будет обращаться на их информационно-правовой аспект.

Важно также оговорить, что, с одной стороны, информационные правоотношения в сети Интернет – это более узкая правовая категория (в сравнении с правоотношениями в сети Интернет в целом), но с другой – включает в себя правоотношения, непосредственно связанные с сетью Интернет, элементами, уровнями его архитектуры, а также особенностями его функционирования, помимо иных информационных правоотношений в сети Интернет (оборот информации в сети Интернет, функционирование электронных библиотек, блогосфера и др.). Это связано с тем, что глобальная компьютерная сеть Интернет рассматривается в качестве объектов информационного права и должна им быть, как минимум, по причине того, что сеть Интернет является примером информационной сети (глобальной). По причине включения правоотношений, непосредственно возникающих по поводу сети Интернет, элементов ее архитектуры и иных особенностей, информационные правоотношения в некотором смысле могут охватывать правоотношения иных отраслей права. К примеру, блокировка Правительством Китайской Народной Республики иностранных веб-сайтов (CNN, BBC, Washington Post, Yahoo! и др.) на территории Китая [14, с. 112–113] является, с одной стороны, государственно-управленческим актом и находится в сфере административного права, а с другой – может рассматриваться как публичное информационно-правовое действие в сети Интернет. В силу вышеизложенного границы между информационными правоотношениями в сети Интернет и правоотношениями иных отраслей права в сети Интернет имеются, но, с нашей точки зрения, не являются жесткими, носят условный характер и во многом обусловлены комплексностью информационного права.

В качестве одного из подходов к правовому регулированию информационных отношений в сети Интернет может быть рассмотрен международно-правовой, значение которого заключается в определении того, каким образом должна быть разделена юрисдикция государств в киберпространстве. Отнесение данного вопроса к подходу, а не к модели правового регулирования интернет-отношений связано с тем, что подход является «способом рассмотрения какой-либо проблемы» [15] в то время, как модель представляет собой конструкцию, форму, в которой выражается правовое регулирование интернет-отношений. Модель правового регулирования отражает связь с видами и предметами источников права в сфере интернет-отношений, а также с их количеством и степенью их системности, разрозненности и (или) обособленности. Таким образом, подход к правовому регулированию интернет-отношений – это «концептуальная» установка, способ, публично-правовое решение, предопределяющее содержание правового регулирования интернет-отношений, облекаемое в определенную модель (форму).

На уровне Европейского союза концепция суверенитета в киберпространстве основывается, в частности, на финальном докладе открытой рабочей группы по развитию в области информации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, рассмотренном 10 марта 2021 г. Генеральной Ассамблеей ООН (доклад также известен как UN OEWG-report) [16, с. 114; 17]. Согласно рекомендациям данного документа государства не должны сознательно поддерживать ИКТ-деятельность вразрез с их обязательствами по международному праву, т. е. запрещается намеренное разрушение критической инфраструктуры или ее использования и функционирования. Государства должны продолжать усиливать меры по защите всей критической инфраструктуры от ИКТ-угроз, повышать обмен опытом в части защиты критической инфраструктуры [17].

Согласно другим международно-правовым положениям, также используемым на уровне Европейского союза, международное право применяется в сфере использования ИКТ государствами на основе следующих принципов:

- государства обладают юрисдикцией над ИКТ-инфраструктурой, размещенной в пределах своих территорий;
- в рамках использования ИКТ государства должны соблюдать принципы международного права, включая принцип суверенитета государств и их суверенного равенства, принцип разрешения споров мирными средствами, а также принцип невмешательства государства во внутренние дела другого;
- государства не могут использовать полномочия для совершения международных неправомерных действий с использованием ИКТ и должны

стремиться к обеспечению того, чтобы их территории не использовались негосударственными субъектами для совершения таких действий [16, с. 114–116].

Территория государства как указатель его юрисдикции в отношении информационных правоотношений в сети Интернет принимается во внимание Европейским Судом по правам человека. Так, ЕСПЧ в 2005 г. постановил, что пребывание лица в одном государстве и его деятельность в сети Интернет на территории этого же государства влечет за собой однозначную необходимость соблюдения правил государства пребывания [18, с. 7]. Однако данная позиция не до конца объясняет, как определяется юрисдикция государства в случаях, когда распространение информации в сети Интернет рассчитано на зарубежную аудиторию пользователей.

К обозначенной проблеме был разработан, в частности, американский подход, суть которого заключается в следующем: юрисдикция государства, прежде всего, «фокусируется» вокруг информации. «Ориентирование» интернет-ресурса служит главным в понимании применимости права определенного государства. Несмотря на глобальность доступа к интернет-ресурсам, большинство из них ориентировано на конкретный регион. Также во внимание могут приниматься закрытые группы интернет-пользователей в рамках регионов. Весьма важным аспектом международно-правового подхода к регулированию информационных отношений в Интернете является язык веб-страницы. Если же содержание информационных материалов в сети Интернет рассчитано на «глобальное восприятие», то важное значение для юрисдикции будет иметь влияние на субъекта правоотношения [18, с. 8].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что американский концептуальный подход к международно-правовому регулированию информационных отношений в сети Интернет основывается на таких юридических свойствах информации, как территориальный фактор ее влияния на аудиторию, непосредственно субъектный состав, для которого информация распространяется в Интернете, а также учет негативных последствий для потерпевшей стороны от распространенной информации. Учет данных свойств информации, распространяемой в сети Интернет и носящей трансграничный характер, представляется обоснованным в формировании международно-правового подхода к регулированию интернет-отношений. Однако, на наш взгляд, требуется его конкретное закрепление и механизм реализации на международно-правовом уровне. На сегодняшний день эффективным в правоприменительном плане видится применимость норм международного публичного и частного права к интернет-отношениям, включая принцип распространения суверенитета государства на соответствующую территорию, а, значит, и ИКТ-инфраструктуру, размещенную в пределах данной

территории, а также положение о том, что права и обязанности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, определяются по праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда (п. 1 ст. 1129 ГК Республики Беларусь) [19; 20].

Помимо международно-правового подхода к регулированию интернет-отношений, можно выделить также национальные правовые подходы, которых, как уже было отмечено, имеется несколько: 1 – характеризующийся либеральными методами регулирования интернет-отношений; 2 – азиатский с характерным контролем над информационными потоками в национальном сегменте Интернета [9, с. 120]. С нашей точки зрения, данные подходы не влияют на модели правового регулирования информационных отношений в сети Интернет, поскольку заключаются не в специфике формально-юридического закрепления интернет-регулирования, а в методах управления национальным интернет-пространством и сущностно определяют содержание законодательства в сфере регулирования интернет-отношений.

Говоря о моделях правового регулирования информационных отношений в сети Интернет, следует учитывать факт, констатируемый в научной литературе по интернет-праву в абсолютном большинстве источников: «ни в одной стране мира нет кодифицированного законодательства по Интернету» [11, с. 154]. Как отмечают А. А. Дрога и М. А. Дрога, действующие нормативные акты регулируют частные аспекты функционирования сети, в числе которых вопросы подключения к ней через поставщиков интернет-услуг, предоставления соответствующих линий связи и т.д. Нормы, применяемые в отношении интернет-пространства, содержатся в законодательных актах различных отраслей права [11, с. 154].

Изложенные теоретические положения указывают на распространенную в современных странах модель правового регулирования отношений, в том числе информационных, в сети Интернет, представляющую собой не единый кодифицированный нормативный правовой акт по интернет-праву, а систему нормативных правовых актов, регулирующих отдельные аспекты или группы общественных отношений в сети Интернет. Данная система, на наш взгляд, обусловлена комплексностью информационных и интернет-правоотношений и действует в противовес идее кодификации и (или) консолидации законодательства в сфере регулирования общественных отношений в сети Интернет. Рассматриваемая тенденция является обоснованной, поскольку виртуальное пространство восприняло многие сферы фактических общественных отношений и существует «параллельно» (наряду) с ними, а потому не может ни заменить законодательство, ни продублировать его. Иными словами, имеется потребность:

1) в специальном правовом регулировании отдельных аспектов информационных отношений в сети Интернет;

2) в уточняющем правовом регулировании данных отношений, т. е. дополняющем условно «общее» правовое регулирование общественных отношений конкретной сферы (как, например, нормы законодательства о защите интеллектуальной собственности в информационной сфере сети Интернет);

3) а также в правовом регулировании интернет-отношений «общими» нормами права, которые прямо не уточняют их применение в интернет-пространстве, но и не исключают его.

Указанные способы правового регулирования информационных отношений в сети Интернет отражают устоявшуюся модель их правового регулирования, заключающуюся в системе нормативных правовых актов, которые по причине их некодифицированности регулируют интернет-отношения именно такими способами. Ведь в случаях разнородности и обширности групп регулируемых общественных отношений в законодательстве формируется соответствующая система нормативных правовых актов, среди которых имеются:

1) специальные;

2) содержащие отдельные нормы права, применяемые в определенных сферах (т. е. в норме права имеется прямое указание на сферу применения);

3) а также содержащие нормы права, которые могут быть применены в определенных сферах, поскольку из содержания норм не следует обратного.

Для стран СНГ характерна модель системного правового регулирования информационных отношений в сети Интернет.

Так, в Азербайджанской Республике отдельные аспекты интернет-отношений регулируются законодательством в области телекоммуникаций, СМИ, чрезвычайных ситуаций (к примеру, Министерству транспорта, связи и высоких технологий разрешено приостанавливать оказание интернет-услуг в случаях нарушения абонентами законодательства в области телекоммуникаций). В Республике Армения законодательство в сфере регулирования сети Интернет и телекоммуникаций не слишком обширно и включает в себя, в частности, Закон Республики Армения от 8 июля 2005 г. «Об электронной коммуникации» и Закон Республики Армения от 25 декабря 2003 г. «О комиссии по регулированию общественных услуг». В Республике Казахстан законодательным актом, регулирующим правоотношения в интернет-пространстве, является Закон Республики Казахстан от 10 июля 2009 г. № 178-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информационно-коммуникационных сетей». Помимо этого, интернет-отношения в Казахстане регулируются законодательством о связи. В Киргизской Республике отдельные аспекты распространения информации в сети Интернет регулируются

Законом 2005 г. «О противодействии экстремистской деятельности», Законом 2021 г. «О защите от недостоверной (ложной) информации». В Республике Молдова основным нормативным правовым актом, регулирующим интернет-отношения и телекоммуникации, является Закон 2008 г. «Об электронной связи». При этом законодательство Молдовы о прессе не регулирует деятельность сетевых изданий, блогосферу и не распространяется на интернет-ресурсы СМИ. Также в Республике Молдова отсутствует специальный закон об информации. В Туркменистане действуют законы о правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг, о связи, об информации и ее защите. С января 2007 г. законодательство Республики Узбекистан о СМИ приравнивает интернет-ресурсы к СМИ. Отдельные аспекты интернет-отношений в Узбекистане регулируются и другими законами, в частности Законом Республики Узбекистан от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 «О персональных данных». Во многом регулирование и управление национальным сегментом Интернета в Узбекистане осуществляется через исполнительную ветвь власти [13, с. 709–715].

В Российской Федерации к системе законодательства в области регулирования информационных правоотношений в сети Интернет относятся следующие нормативные правовые акты:

1) Федеральный закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

2) законы, вносящие изменения в указанный Закон об информации, в частности вносящие изменения в части необходимости удаления ссылок на информацию (недостоверную, неактуальную, распространенную с нарушением законодательства) о гражданах из поисковой выдачи по их требованию. Также это «Закон о блогерах», на основании которого к владельцам страниц в сети Интернет стали применяться ограничения, установленные в России для СМИ;

3) Федеральный закон № 139-ФЗ от 28 июля 2012 г., на основании которого был создан «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов»;

4) Федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»;

5) Федеральный закон № 3-ФЗ от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах», запрещающий распространение сведений о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, способах их разработки и использования посредством информационно-телекоммуникационных сетей;

6) Гражданский кодекс Российской Федерации (в части регулирования вопросов авторского права, запрета клеветы в сети Интернет);

7) Уголовный кодекс Российской Федерации и др. [8, с. 75–77; 21, с. 68–72; 22, с. 94].

В ряде других зарубежных стран также реализуется модель системного правового регулирования информационных отношений в сети Интернет.

В Соединенном Королевстве законодательство в области интернет-пространства составляют: Закон 2010 г. «О цифровой экономике», касающийся защиты авторских прав в сети Интернет, правового статуса и ответственности провайдеров, владельцев сайтов и интернет-пользователей; Закон 2003 г. «Об электронных коммуникациях»; Закон «О непристойных выражениях» [8, с. 79].

В США к нормативным правовым актам, регулирующим интернет-отношения, относятся: Закон 1998 г. «Об авторском праве цифрового тысячелетия»; Закон 1999 г. «Об информационно-технологической поддержке правоохранительных органов»; Закон 2000 г. «О защите прав детей в Интернете»; Закон «О противодействии насилию женщин и о полномочиях Департамента юстиции» (в соответствии с которым запрещается анонимная рассылка «раздражающих» сообщений и публикация комментариев «оскорбительно-раздражающего» характера в сети Интернет); Закон «О мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров»; Национальная кибер-стратегия США [8, с. 79–80; 9, с. 119; 23, с. 39].

Частный аспект регулирования кибербуллинга в Австралии также указывает на системную модель правового регулирования информационных отношений в сети Интернет. А. Srivastava и J. Воеу пишут, что в условиях отсутствия в Австралии специального законодательства в области кибербуллинга составляющие его общественные отношения регулируются в контексте уголовной или гражданско-правовой ответственности [24, с. 309]. Следовательно, к отношениям в области кибербуллинга в Австралии применяется система правовых норм, защищающих честь и достоинство личности, в том числе в сети Интернет.

В Германии, в частности, действует Закон от 30 июня 2017 г. «Об улучшении правоприменения в социальных сетях», согласно которому провайдеры крупных социальных сетей (Facebook, Instagram, Twitter и др.) обязаны удалять противозаконный контент, а также предоставлять полугодовые отчеты об обработке жалоб на него и опубликовывать данные отчеты в Федеральном вестнике, а также на соответствующем сайте не позднее 1-го месяца после отчетного полугодия [9, с. 120; 10, с. 60].

В Новой Зеландии действует Закон 2015 г. № 63 «О негативном воздействии цифровых коммуникаций», который устанавливает ответственность за оскорбления в сети Интернет, которую несут как владельцы интернет-ресурсов, содержащих оскорбительные комментарии, так и лица, непосредственно причинившие вред посредством цифрового общения [8, с. 81–82].

В Республике Беларусь также реализуется системная модель правового регулирования информационных правоотношений в сети Интернет, которую составляют следующие нормативные правовые акты: Конституция Республики Беларусь; Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»; Указ Президента Республики Беларусь от 18 сентября 2019 г. № 350 «Об особенностях использования национального сегмента сети Интернет»; Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь»; Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»; Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации»; Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»; Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях; Уголовный кодекс Республики Беларусь; постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» и др.

Таким образом, распространенная современная модель системного правового регулирования информационных отношений в сети Интернет является показательной с точки зрения практичности и эффективности правового регулирования указанных отношений, поскольку информационное пространство сети Интернет является достаточно обширным и касается широкого круга аспектов и групп общественных отношений. Тесная связь последних с информацией и сетью Интернет не дает им «обойти» систему правового регулирования информационных отношений в сети Интернет, которые носят комплексный характер.

Как отмечает А. С. Агейчев, помимо правоохранительных норм, применяемых в рамках интернет-отношений, «регулирование в сфере онлайн-коммуникаций в большинстве стран происходит за счет других смежных законов» [8, с. 82].

Из предметного анализа рассмотренной модели системного правового регулирования интернет-отношений в современных странах следует выделение существующих *направлений правового регулирования* в рамках данной модели, которые в контексте развития интернет-пространства важно так же развивать. При этом *направления* правового регулирования информационных правоотношений в сети Интернет в современных странах примерно одинаковые, что подтверждает правильность и результативность правового регулирования интернет-пространства, столь сложного и комплексного информационно-технологического, технического и общественного явления, находящегося «на стыке» различных видов регулирования человеческой

деятельности и ее результатов. Среди направлений правового регулирования информационных отношений в сети Интернет с учетом рассмотренного международно-правового, зарубежного и национального опыта можно выделить:

1) регулирование оборота информации в глобальной компьютерной сети Интернет (включая деятельность СМИ, блогеров в сети Интернет; противодействие распространению экстремистских материалов в сети Интернет; регулирование вопросов, связанных с недопущением распространения клеветнических, диффамационных сообщений в интернет-пространстве; регулирование вопросов, связанных с недопущением распространения спама; запрет распространения отдельных видов информации и др.);

2) защита персональных данных в Интернете;

3) правовая защита объектов интеллектуальной собственности в информационной сфере сети Интернет;

4) правовое регулирование использования доменных имен;

5) оказание интернет-услуг (деятельность поставщиков интернет-услуг и иных интернет-провайдеров);

6) ответственность информационных посредников и пользователей в сети Интернет;

7) деятельность государственных органов и должностных лиц в информационной сфере сети Интернет;

8) юрисдикция государств в интернет-пространстве;

9) вопросы киберпреступности и кибербезопасности;

10) и др.

Как видим, кибербезопасность представляет собой одно из направлений правового регулирования информационных отношений в сети Интернет как на международном, так и на национальных уровнях. При этом рассматриваемый социально-технологический феномен тесно связан с таким понятием, как информационная безопасность.

И. Л. Бачило, М. А. Вус, О. С. Макаров, Р. М. Юсупов в контексте рассмотрения ряда вопросов в сфере информационной безопасности обращают отдельное внимание на информационную безопасность глобальных компьютерных информационных и телекоммуникационных сетей [25, с. 6–7].

Т. А. Полякова определяет информационную безопасность как состояние защищенности национальных интересов государства в информационной сфере, состоящих из совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства, от внутренних и внешних угроз, что соответствует принципу обеспечения национальной безопасности в информационной сфере [26, с. 19]. Следовательно, понимание информационной безопасности достаточно широкое и включает в себя кибербезопасность (в силу глобальной компьютерной сети как части информационного пространства),

а также в целом обеспечивается соблюдением международного права и законодательства в информационной сфере, поскольку в состоянии правомерных форм информационной деятельности достигается практически полная минимизация рисков наступления ИТ-угроз.

Н. О. Мороз выявляет следующую закономерность в использовании терминов «информационная безопасность» и «кибербезопасность»: в силу отсутствия универсального международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере информационной безопасности специального характера «сложилось два региональных подхода к определению наиболее значимых терминов в рассматриваемой сфере»: «западный», в котором преобладает использование термина «кибербезопасность» (НАТО, ОБСЕ, ЕС, ОАГ), и «восточный», в котором используется термин «информационная безопасность» (СНГ, ОДКБ, ШОС) [27, с. 124].

Использование термина «информационная безопасность» в международно-правовых актах СНГ подтверждается также тем, что среди комплекса отношений, подлежащих правовому обеспечению на уровне СНГ, кибербезопасность не выделяется.

В то же время правовое обеспечение СНГ в комплексе регулируемых информационных отношений предусматривает, в частности, «противодействие деструктивному информационному воздействию», «противодействие преступлениям в информационной сфере» и «обеспечение безопасности информации государственного значения (в том числе защита государственных секретов)» [28, с. 62].

Как подчеркивает О. С. Макаров, оценка состояния нормативного обеспечения информационных отношений государств-участников СНГ «должна учитывать ряд параметров», среди которых выделяется «регламентация системы субъектов обеспечения информационной безопасности и нормативное закрепление их функций и полномочий» [28, с. 60–61].

С нашей точки зрения, оба термина («кибербезопасность» и «информационная безопасность») применимы к состоянию защищенности использования глобальной компьютерной сети, ее национальных сегментов, интересов субъектов информационных правоотношений в сети Интернет.

Применение термина «кибербезопасность» в отношении глобальной компьютерной сети Интернет обусловлено ее информационно-технологической и технической природой. Применение термина «информационная безопасность» к сети Интернет обусловлено информационным пространством Интернета, которое составляет значительную часть информационной сферы, охраняемой информационным правом.

Подытожим:

1. К видам регулирования информационных отношений в сети Интернет относятся: саморегулирование, сорегулирование, правовое

регулирование, техническое и иные виды социального регулирования указанных отношений.

Среди *подходов* к правовому регулированию информационных отношений в сети Интернет можно выделить: международно-правовой и национальные. *Международно-правовой подход* к регулированию информационных отношений в сети Интернет заключается в решении вопроса юрисдикции государств в киберпространстве. Исходя из международных документов концептуального значения (UN OEWG-report и некоторые другие) за государствами признается суверенитет над ИКТ-инфраструктурой, размещенной на их территориях, что базируется на общепризнанных принципах международного права. Встречаются также научные концепции применения норм права определенного государства к интернет-отношениям в связи природой, ориентированностью информации, размещенной в Интернете, на конкретную территорию и (или) аудиторию, языком распространяемой информации, причиненным вредом гражданину. Однако конкретного международно-правового закрепления данные идеи пока еще не нашли, хотя этот факт не умаляет их обоснованности.

На наш взгляд, данные концепции так или иначе основываются на общепризнанных принципах международного права, а также действующих нормах международного частного права и коллизионных привязках (в первую очередь, касающихся обязательств из причинения вреда). Среди *национальных подходов* к правовому регулированию интернет-отношений существует два основных: либеральный; и характеризующийся контролем информационных потоков в национальных сегментах Интернета со стороны государства.

2. На сегодняшний день в современных странах находит свое выражение и реализацию *модель системного правового регулирования* информационных отношений в сети Интернет, заключающаяся в системе нормативных правовых актов по вопросам регулирования интернет-отношений. Данный факт обусловлен комплексностью информационного и интернет-права и представляется перспективным для развития, поскольку интернет-отношения существуют параллельно с фактическими отношениями материального мира, которые формируют обширный круг социальных взаимодействий различной природы и характера.

Среди *направлений* правового регулирования информационных отношений в сети Интернет можно выделить: регулирование оборота информации в глобальной компьютерной сети Интернет; защита персональных данных в Интернете; правовая защита объектов интеллектуальной собственности в информационной сфере сети Интернет; правовое регулирование использования доменных имен; оказание интернет-услуг (деятельность поставщиков интернет-услуг и иных интернет-провайдеров); ответственность

информационных посредников и пользователей в сети Интернет; деятельность государственных органов и должностных лиц в информационной сфере сети Интернет; юрисдикция государств в интернет-пространстве; вопросы киберпреступности и кибербезопасности; и др.

3. Феномен кибербезопасности имеет несколько значений: направление правового регулирования интернет-отношений; состояние защищенности глобальной компьютерной сети и формирующихся в ней отношений от ИКТ-угроз (как вид информационной безопасности); и в широком смысле – как «цель» правового регулирования интернет-отношений, достигаемая полным соблюдением норм международного права и национальных законодательств в сфере киберпространства.

Библиографический список

1. Boyle, J. The Past and Future of the Internet: A Symposium For John Perry Barlow [Electronic resource] / J. Boyle // Duke Law and Technology Review. – 2019. – Vol. 18. – Mode of access : <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1336&context=dltr>. – Date of access : 15.08.2022.

2. Barlow, J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace / J.P. Barlow // Duke Law & Technology Review. – 2019. – Vol. 18. – Mode of access :

<https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1337&context=dltr>. – Date of access : 17.08.2022.

3. Леанович, Е.Б. Проблемы правового регулирования интернет-отношений с иностранным элементом / Е.Б. Леанович // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 4. – С. 39–44.

4. Гаджиева, К.А. Правовое регулирование онлайн-платформ в Европейском союзе / К.А. Гаджиева // Информац. право. – 2021. – № 1 (67). – С. 36–38.

5. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – 9-е изд. (без изм.). – С-Пб. : Юрид. книж. магазин Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.

6. Маркевич, Д.С. Некоторые аспекты государственного регулирования деятельности цифровых платформ / Д.С. Маркевич // Право.by. – 2019. – № 5 (61). – С. 16–20.

7. Lessig, L. Code Version 2.0 / L. Lessig. – New York : Basic Book. – 2006. – 410 p.

8. Агейчев, А.С. Законодательство в сфере интернет-коммуникаций: российский и международный опыт / А.С. Агейчев // Сравнительная политика. – 2016. – № 2 (23). – С. 73–84.

9. Чубейко, С.В. Особенности правового регулирования информационной сферы иностранных государств и Российской Федерации / С.В. Чубейко, Ю.А. Тимакина // Философия права. – 2019. – № 4 (91). – С. 116–121.

10. Синкевич, К.В. Современные подходы к правовому регулированию социальных сетей в цифровую эпоху / К.В. Синкевич // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7. – С. 58–63.

11. Дрога, А.А. Актуальные проблемы правового регулирования Интернет-пространства / А.А. Дрога, М.А. Дрога // Вестн. Омского ун-та. Сер. Право. – 2015. – № 3 (44). – С. 153–156.

12. Михайленко, Е.В. Проблемы информационно-правового регулирования отношений в глобальной компьютерной сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Е.В. Михайленко ; Москов. гуманит. ун-т. – М., 2004. – 25 с.
13. Курылев, К.П. Национальные режимы регулирования сети интернет в странах СНГ / К.П. Курылев, Н.П. Пархитько, Н.Г. Смолик // Постсовет. исследования. – 2021. – Т. 4, № 8. – С. 705–718.
14. Svantesson, D.J.V. Internet Law and Policy in the People's Republic of China / D.J.V. Svantesson // Masaryk University J. of Law and Technology. – 2007. – Vol. 1, № 1. – P. 109–120.
15. Дмитриев, Д.В. Подход [Электронный ресурс] / Д.В. Дмитриев // Толковый словарь русского языка Дмитриева. 2003 г. (Словари и энциклопедии на Академике). – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/3767/%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4>. – Дата доступа : 20.08.2022.
16. Osula, A.-M. EU Common Position on International Law and Cyberspace / A.-M. Osula, A. Kasper, A. Kajander // Masaryk University J. of Law and Technology. – 2022. – Vol. 16, № 1. – P. 89–123.
17. Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security [Electronic resource] // United Nations. General Assembly. A/AC.290/2021/CRP.2. Conference room paper 10 March 2021. – Mode of access : <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/03/Final-report-A-AC.290-2021-CRP.2.pdf>. – Date of access : 25.08.2022.
18. Heissl, G. Jurisdiction for Human Rights Violations on the Internet / G. Heissl // Europ. J. of Law and Technology. – 2011. – Vol. 2, № 1. – P. 1–15.
19. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа : <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. – Дата доступа : 25.08.2022.
20. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
21. Микаева, А.С. Проблемы правового регулирования в сети Интернет и их причины / А.С. Микаева // Актуальные проблемы рос. права. – 2016. – № 9 (70). – С. 67–75.
22. Рассолов, И.М. Информационное право и информационное законодательство в условиях инновационного развития / И.М. Рассолов // Актуальные проблемы рос. права. – 2016. – № 4 (65). – С. 92–96.
23. Анисимова, А.С. Анализ правотворческой политики зарубежных стран в сфере регулирования интернет-отношений / А.С. Анисимова // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2014. – № 5 (100). – С. 38–44.
24. Srivastava, A. Online Bullying and Harassment: An Australian Perspective / A. Srivastava, J. Boey // Masaryk University J. of Law and Technology. – 2012. – Vol. 6, № 2. – P. 299–320.
25. Макаров, О.С. Разработки модельного законодательства для сферы информационной безопасности / О.С. Макаров, Р.М. Юсупов, И.Л. Бачило, М.А. Вус // Власть. – № 11. – 2015. – С. 5–9.
26. Полякова, Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук :

12.00.14 / Т.А. Полякова ; Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М., 2008. – 39 с.

27. Мороз, Н.О. Подходы к определению термина «информационная безопасность» в контексте международного сотрудничества / Н.О. Мороз // Право.by. – № 4 (72). – 2021. – С. 120–126.

28. Макаров, О.С. Об одном методологическом подходе к оценке состояния информационного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств / О.С. Макаров // Актуальные проблемы рос. права. – № 2 (51). – 2015. – С. 59–63.